

проявляется не в повышении, а в снижении результативности деятельности СМИ.

Так, в аналитическом докладе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия оценка экспертами деятельности российских СМИ несет негативную окраску. В докладе подчеркивается: «Среди главных факторов, влияющих на эффективность функционирования СМИ, эксперты выделили невысокий уровень профессионализма журналистов, влияние политической цензуры на объективность предоставляемой информации, заказной характер статей и телевизионных передач, отсутствие альтернативных точек зрения, однонаправленность информации и т.д.»¹⁰. Согласимся, что низкий уровень профессионализма журналистов, отсутствие всестороннего анализа проблем, односторонняя подача материала и другие факторы отрицательно влияют на эффективность деятельности СМИ.

Изучение проблем политической результативности функционирования СМИ одним из важнейших «выходов» имеет практическое значение: разработку общих требований к журналистской деятельности и формирование конкретных рекомендаций применительно к определенным социально-политическим условиям, состоянию аудитории, кадров журналистики и т. д. Знание потребностей и интересов аудитории, ее стремления получать информацию определенной проблематики, типа повествования, круга авторов, направленности дает основания для программирования эффективной работы по достижению высоких конечных результатов. Близость публикуемых материалов потребностям и интересам студенческой аудитории позволит установить и поддерживать с ней продуктивный контакт.

Примечания

- ¹ *Киричек П. Н.* Публицистика и политика: природа альянса. Саранск, 1995. С. 12.
- ² *Фомичёва И.* Социальные потребности и интересы – основа определения эффективности СМИ / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 27.
- ³ *Ильичёва Л. Е.* Лоббизм и интересы предпринимательства. М., 2000. С. 12.
- ⁴ *Гончарова А. Н.* Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. М., 2001. С. 10.
- ⁵ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия / Аналит. докл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга Респ. Мордовия [О. А. Богатова, О. В. Белянина, А. А. Зинин и др.]. Саранск, 2008. С. 28.
- ⁶ *Зимин А. Е.* Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. С. 23.
- ⁷ *Прохоров Е.* Понятие эффективности журналистики / Проблемы эффективности журналистики / под ред. Я. Засурского, З. Шумберы. М., 1980. С. 23.
- ⁸ *Вилков А. А.* Мифологический фактор в современной российской политике // Мифология политической власти : материалы науч. семинара, 18–19 нояб. 2002 г. / редкол.: Н. И. Шестов (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 2003. С. 13.
- ⁹ *Атаманчук Г. В.* Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006. С. 375.
- ¹⁰ Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия... С. 30.

УДК 316.344.42

О ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

А. В. Юдин

Саратовский государственный университет
E-mail: yudinav86@list.ru

В предлагаемой статье определяется понятийно-категориальный аппарат социально-философской концептуализации геополитического риска. Особое внимание уделяется понятиям «коллективное сознание», «социальное пространство» и «социально-политическая деятельность».

Ключевые слова: политика, геополитика, риск.

About Conceptual and Categorical Apparatus of the Socio-philosophical Conceptualization of Geopolitical Risk

A. V. Yudin

In this article we defined concepts and categorical apparatus of the socio-philosophical conceptualization of geopolitical risk. Particular

attention is paid to the concepts of «collective consciousness», «social space» and «socio-political activity».

Key words: politics, geopolitics, risk.

Интерес к социально-философскому осмыслению концепта «геополитический риск» обусловлен структурными сдвигами глобального геополитического пространства на рубеже XX–XXI вв., возрастанием роли национального фактора в культурной жизни этносов и наций, возникающими геополитическими опасностями при передвижке государственных и цивилизационных границ национальных социумов.

Цель настоящей работы – определить понятийно-категориальный аппарат концептуализации, проанализировать одно из его генерализирующих понятий.

Чтобы понять явление, необходимо понять способ его происхождения и развития, воссоздать и реконструировать систему «органическое целое» (понятие, разработанное в немецкой классической философии), внутри которой концепт с необходимостью возникает. В процессе «погружения в основания» (Гегель) допускается, что «геополитическое» метафизически зиждется на восприятии индивида (группы индивидов) перманентного противостояния Больших пространств. Система пространства как «органическое целое» внутри себя культивирует противостояние и противоположность пространственных целостностей. Проблема специфического восприятия пространства, особого отношения к нему индивида (группы индивидов) в конечном итоге сводится к проблеме сознания, которая основана на объединяюще-разъединяющем принципе восприятия¹.

Любое противостояние предполагает активность, а значит, деятельность. Кроме того, само сознание выступает в качестве функционального органа деятельности. Структурирование пространства возможно через внутренние структуры сознания индивида (-ов) и через их внешнюю пространственно-практическую деятельность. В философском концепте геополитического риска «деятельность» выступает как органическое целое, позволяющее общественному феномену «прорасти» в социальной реальности.

В теоретико-познавательный оборот концепт-проблемы риска введены социально-философские понятия «коллективное сознание», «социальное пространство», «социально-политическая деятельность», выступающие как органически цельные системы, задающие универсум понятийно-категориального аппарата социально-философской концептуализации. В единстве этих понятий основным производителям геополитического риска (человеку и обществу) приписывается принципиально важная функция – через способность человеческого сознания и социально-политическую деятельность качественно

«проработать» и трансформировать социальное пространство, существенно отредактировать его «идентификационные» характеристики, придав ту форму, которая изначально ставилась субъектом риска в качестве цели².

Изложенные суждения позволяют сформулировать одно из «родовых» положений социально-философской концептуализации – происхождение и возникновение геополитического риска модулируется в единстве понятий «коллективное сознание», «социальное пространство», «социально-политическая деятельность». В теоретическом смысле они представляют собой смыслообразующие формы мысли о геополитическом риске, его субъекте и объекте, одновременно являясь и категориями для определения его истоков.

Одним из генерализирующих понятий здесь выступает понятие «социально-политическая деятельность». Как полагает В. Лекторский, «коллективный субъект выявляет себя... не столько через внутренние структуры сознания, сколько через внешнюю предметно-практическую коллективную деятельность»³. Она в геополитическом риске есть не что иное как социальная деятельность в ее геополитической специфике.

По словам В. Устьянцева, «риск всегда опосредован человеческой деятельностью и, обретая устойчивые формы, способен превратиться в территорию риска»⁴.

Предлагаемый нами структурно-функциональный анализ понятия «социальная деятельность» позволит обозначить территорию геополитического риска, определяя, тем самым, социально-философский «каркас» его теоретической матрицы. Философское развертывание этого понятия полагается на многоуровневую систему анализа. Первый уровень, где социально-философский подход в соответствии с психологической теорией деятельности (основоположники теории – С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) выделяет в структуре социального действия (как изначальной формы социальной деятельности) «цель» и «мотив». Цель – это образ желаемого результата, на достижение которого непосредственно направлено действие; мотив – это то, что побуждает субъекта риска достигать данную геополитическую цель, то есть совершать геополитическое действие. Единство геополитического риска в качестве социального действия выступает как единство тех геополитических целей, на которые он направляется, и социальных мотивов, из которых он исходит.

Второй уровень, – тот, где социально-философский подход в соответствии с геополитическими теориями выделяет в структуре деятельности «общественные потребности» и «национальный интерес». Первое – это образ «нужды», ибо, как полагает В. Давыдов, «без понимания того, что такое нужда, органическая и

духовная, и как она превращается в потребность, ничего о деятельности сказать нельзя»⁵. Нужда и потребность в дополнительном жизненном пространстве, сырьевых ресурсах, в национализме⁶ для обеспечения жизнеспособности нации, для реализации ее «политических устремлений» (К. Хаусхофер). Второе – потребность и интерес национальных сообществ в обеспечении безопасности и сохранении территориальной целостности собственного жизненного пространства, а также, по словам З. Бжезинского, «...в удовлетворении своих национальных устремлений, направленных на получение больших территорий, либо чувства национальной утраты, в связи с потерей “священной” земли»⁷.

Потребности предпосланы целевым причинам геополитической деятельности. Они стоят за желаниями политических элит, стремлениями наций и этносов, определяют их, «дают» на коллективное сознание, ориентируют его в соответствующем направлении, заставляют делать то, что, возможно, не нужно делать. Другой фактор деятельности – интерес – это и свойство субъекта, выражающее его отношение к необходимым средствам удовлетворения потребности, а также и явление человеческого сознания, соотносимое с целями, мотивами геополитической рискодеятельности. Сознание переводит потребность в осмысленную цель этой деятельности. А осознанные потребности выражаются в системе либо национальных, либо частных интересов политической элиты.

Третий уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с коммуникативными теориями (Ю. Хабермас, Н. Луман, Т. Парсонс) выделяет в структуре социального действия формы организации совместной деятельности субъектов геополитики как основных политических «игроков» социального пространства, каналы и способы коммуникации между нациями, этносами, политическими элитами как основными производителями и потребителями геополитического риска. В этом случае социальное действие обретает функциональный характер, встраиваясь в сложную систему взаимодействия субъектов геополитики, интеракций между ними, координирующих совместные геополитические проявления. «Так в действия втягиваются не только потребности и интересы, цели и мотивы, но и отношения с другими субъектами взаимодействия, стремящиеся упорядочить эти отношения и создающие возможность коллективных действий»⁸.

В теоретической матрице геополитического риска «социальное действие становится бесконечно расширяющимся конструктом»⁹. Здесь формируются культурно-исторический и социокультурный пласты концепта «геориск» – различительные особенности социальных пространств, стандартизация и типизация геополитических действий, – устанавливаются необ-

ходимые коммуникативные связи, регулируемые социальным управлением.

Четвертый уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с институциональным аспектом анализа выделяет в структуре социального действия нормы и правила, функционирующие в общественных устройствах социумов. Они закрепляются как легитимно, так и неформально в деятельности различных институтов и организаций (ООН, НАТО, ОВД, Группа восьми, террористические организации). По мысли В. Устьянцева, «в самой действительности риски выступают состоянием человеческой деятельности, состояниями развития различных институтов или организаций, могут выступать в качестве объектов управления»¹⁰.

Пятый уровень – тот, где социально-философский подход в соответствии с ценностным аспектом выделяет в структуре социального действия общественные ценности, геополитические идеи, идеологические программы и планы (перцептивные, креативные и мыслительные) в соответствии с волей и желанием субъектов, формируя через социоинтеллектуальную деятельность духовно-ценностное, идеологическое пространство геополитического риска.

В теоретической матрице риска социальная деятельность определяется как системно-целостный процесс во времени и социальном пространстве с выделением следующих функциональных подсистем: причиняющей, образующейся из потребностей и жизненно значимых интересов; идеально-регулятивной, которую образуют механизмы сознания – геополитические цели, программы, мотивы; операциональной как совокупности взаимодействия геополитических субъектов, их активности, направленной на пространственные преобразования социального мира; результативной, состоящей из последствий рискодеятельности субъектов. Развитие этого системно-целостного и функционального комплекса полагается на социальную регуляцию и политическое управление. И здесь под регуляцией понимаются обеспечение соответствующей коммуникации, установление необходимых связей и координация действий социальных субъектов, поддержание определенного уровня организации в осуществлении пространственного преобразования социального мира. Политическое управление претендует на регулирование связей и отношений между субъектами геополитических действий. Социальное управление есть регуляция совместным поведением геополитических субъектов.

Таким образом, коллективное сознание, социальное пространство и социально-политическая деятельность формируют особую территорию геополитического риска со своими целями, мотивами, потребностями, интересами и желаниями, «внутренней деятельностью воли» (Дильтей), ценностными ориентациями, взаи-

моотношениями и взаимодействием. Основными типами взаимосвязи территорий геополитического риска выступают взаимопересечение и взаимопроникновение, раскрываемые через категории «инверсия», «различение», «регуляция» и «управление».

Примечания

- ¹ «Объединяющее» исходит из самого древнейшего взгляда человека на пространство в целостном, нерасчлененном, как неизменно данном восприятию мира в целом. «Разъединяющее» культивировалось по мере возрастания адаптации архаичного индивида к окружающему пространству. Маршруты охоты и собирательства, поиск и освоение удобных природных условий для стоянок, раздела и хранения добычи – все это включало в себя углубляющее психологическое освоение пространственных отношений среды обитания как предпосылку их изменения, реконструкции и структурирования.
- ² Последний представлен дифференциями субъектных типологий: индивид (группа индивидов), государство,

объединения и блоки государств (принятые в геополитике).

- ³ *Лекторский В. А.* Субъект. Объект. Познание. М., 1981. С. 283.
- ⁴ *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 150.
- ⁵ *Давыдов В. В.* Последние выступления. М., 1998. С. 9.
- ⁶ Потребность в национализме выделяет отечественный философ Л. Бляхер, понимая под ним «реакцию на незавершенный и/или подвергшийся деструкции процесс национальной самоидентификации, своеобразный механизм ее восстановления и завершения» (см.: *Л. Бляхер.* Потребность в национализме или национальном самосознании на Дальнем Востоке России // *Полис.* 2004. № 3. С. 44).
- ⁷ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска // *Геополитика.* Антология. М., 2006. С. 454–455.
- ⁸ *Чеснокова В.* Предисловие // *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000. С. 11–12.
- ⁹ *Парсонс Т.* Указ.соч. С. 12.
- ¹⁰ *Устьянцев В. Б.* Указ. соч. С. 152.

УДК 329 (470)

«ПАРТИЯ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ

А. Е. Домашенко

Ульяновский государственный университет
E-mail: dom-andrey@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы к исследованию феномена «партия власти» в современной российской политике. Отмечено, что наличие различных позиций по данной проблеме может служить продуктивным стимулом для дальнейшего анализа этого политического явления.

Ключевые слова: партия власти, политический процесс, политический режим.

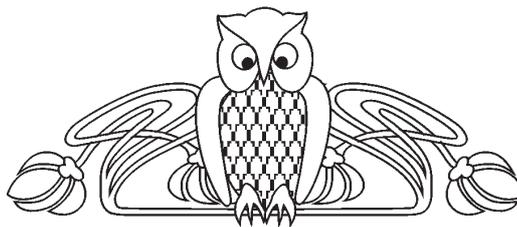
«Party of Power» in the Modern Russia Political Science: the Problems of Approaches Development

A. E. Domashenko

The author analyzes some major point of views on features of modern Russian "party of power". Special emphasis is placed on the conceptual framework generated by productive and high promising discussion process.

Key words: party of power, political process, political regime.

Под понятием «партия власти» мы подразумеваем партию, движение или блок, создаваемый

правящей группой для реализации определенных политических целей. В качестве «партий власти» в данной статье упоминаются: блок «Выбор России», движение «Наш дом – Россия» (НДР), межрегиональное движение «Единство», политическая партия «Единая Россия».

Феномен «партия власти» стал одним из основных элементов политической реальности в современной России. В связи с исключительной важностью данной политической структуры для политического процесса в России «партия власти» находится в фокусе пристального внимания многих ученых, политиков, журналистов и общественных деятелей. В этой статье мы рассмотрим основные точки зрения, посвященные «партии власти», и попробуем разобраться в современном состоянии проблематики данного феномена.

При всем разнообразии работ политологов, социологов, публицистов, политиков и политических консультантов, посвященных «партии власти», их объединяют, как минимум, два общих